

<Страховъ Н. Н.> Наша изящная словесность.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. *Ө. М. Достоевскаго*. Изданіе исправленное.

Два тома. Петербургъ. 1867. Статья вторая и послѣдняя // *Отечественныя Записки*. 1867. № 4. Т. 171. С. 514-527.

НАША ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. *Ө. М. Достоевскаго*. Изданіе исправленное. Два тома. Петербургъ. 1867.

Статья вторая и послѣдняя.

Раскольниковъ не есть типъ. То-есть онъ не настолько своеобразенъ, не представляетъ такихъ опредѣленныхъ и органически связанныхъ между собою чертъ, чтобы его образъ носился передъ нами, какъ живое лицо. Въ частности же—это не есть типъ нигилистическій, не видоизмѣненіе того типа настоящаго нигилиста, который всѣмъ болѣе или менѣе знакомъ и который всѣхъ раньше и всѣхъ мѣтче былъ угаданъ Тургеневымъ въ его *Базаровъ*.

Что же? Мѣшаетъ это роману? Тѣ, кто читалъ романъ, мы думаемъ, согласятся съ нами, что отсутствіе большей типичности здѣсь не вредитъ, а даже какъ будто способствуетъ дѣлу. Неопредѣленность, *молодая* неопредѣленность и неустановленность Раскольникова очень идетъ къ его *фантастическому* (по словамъ Порфирія) поступку. Кромѣ того невольно чувствуется, что Базаровъ никакимъ образомъ не совершилъ бы *такъ и такую* дѣла. Человѣкъ, слѣдовательно, выбранъ г. Достоевскимъ нельзя сказать, чтобы не вѣрно.

Но главное, очевидно, здѣсь не въ человѣкѣ, не въ обрисовкѣ извѣстнаго типа. Не здѣсь центръ тяжести романа. Цѣль романа состоитъ не въ томъ, чтобы вывести передъ глазами читателей какой-нибудь новый типъ, изобразить намъ «бѣдныхъ» людей, «подпольнаго» человѣка, людей «мертваго дома», «отцовъ и дѣтей» и т. д. Весь романъ сосредоточивается около одного поступка, около того, какъ родилось и совершилось нѣкоторое *дѣйствіе*, и какія повлекло за собою послѣдствія въ душѣ совершившаго. Такъ романъ и называется; на немъ надписано не *виз*

человѣка, а названіе событія, съ нимъ случившагося. Предметъ обозначенъ вполне ясно: дѣло идетъ о *преступленіи и наказаніи*.

И въ этомъ отношеніи всякій согласится, что романъ г. Достоевскаго очень типиченъ. Удивительно типично изображены всѣ тѣ процессы, которые совершаются въ душѣ преступника; вотъ что составляетъ главную тему романа, и что поражаетъ въ немъ читателей. Живо и глубоко схвачено въ немъ то, какъ идея преступленія заражается и укрѣпляется въ человѣкѣ, какъ борется съ нею душа, инстинктивно чувствуя ужасъ этой идеи; какъ человѣкъ, вскормившій въ себѣ злую мысль, почти лишается наконецъ воли и разума и слѣпо повинуетъ ей; какъ онъ *механически* совершаетъ преступленіе, долго созрѣвавшее въ немъ органически; какъ пробуждается въ немъ потомъ боязнь, подозрительность, злоба къ людямъ, отъ которыхъ ему грозитъ кара; какъ начинаетъ онъ чувствовать омерзеніе въ себѣ и къ своему дѣлу; какъ прикосновеніе живой и теплой жизни пробуждаетъ въ немъ муки безсознательнаго раскаянія; какъ наконецъ ожесточенная душа не выдерживаетъ и размягчается до чувства умиленія.

Передъ этимъ страшнымъ процесомъ личность Раскольниковова съ ея особенностями совершенно сглаживается и исчезаетъ. Сперва поглотила его извращенная идея, а потомъ въ немъ съ неодолимою силою просыпается *человѣкъ*, человѣческая душа, и мучить его своимъ пробужденіемъ, съ которымъ онъ старается совладать. При такихъ явленіяхъ индивидуальность дѣйствующаго лица естественно должна отступить на задній планъ. Такъ слѣдуетъ это изъ самого смысла романа. Преступленіе вовсе не есть дѣйствіе, характеристическое для личности Раскольниковова; люди, въ характеристику которыхъ входятъ преступленіе, совершаютъ дѣла этого рода гораздо легче и совершенно *иначе*. Раскольникову же просто довелось *перенести* на себѣ преступленіе; можно сказать, что *оно съ нимъ случилось* и душа его отозвалась на него такъ, какъ отозвалась бы, вообще говоря, душа *всякаго* человѣка.

И такъ понятно, что личность Раскольниковова подавлена самымъ событіемъ и не представляетъ яснаго типическаго образа. Въ этомъ отношеніи самая тема автора ставила его въ выгодное положеніе, именно давала ему возможность высказать всю силу таланта, несмотря на недостатокъ полной типичности. Гораздо правильнѣе мы можемъ требовать болѣе ясной типичности отъ остальныхъ лицъ романа. Ихъ очень много и они выполнены очень не равномерно. Наиболѣе удавшимися и даже вполне удачными, слѣдуетъ признать пьяницу Мармеладова и его

жену Катерину Ивановну. Это дѣйствительные типы, ярко, отчетливо очерченные. Въ нихъ ясно выразились главные достоинства таланта г. Достоевскаго. Онъ открылъ читателямъ, какъ возможно отнестись симпатически къ этимъ людямъ, такимъ слабымъ, смѣшнымъ, жалкимъ, потерявшимъ всю силу владѣть собою и походить на другихъ людей.

Но главная сила автора, какъ мы уже замѣтили, не въ типахъ, а въ изображеніи положеній, въ умѣнныя глубоко схватывать отдѣльныя движенія и потрясенія человѣческой души. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ во многихъ мѣстахъ своего новаго романа до полнаго и удивительнаго мастерства.

Романъ задуманъ и расположенъ очень просто, но вмѣстѣ правильно и строго. Три года Раскольниковъ живетъ въ Петербургѣ, одинъ, оторванный отъ своей семьи и терпящій большую нужду. Эти три года были, конечно, временемъ, когда молодой умъ сталъ впервые работать надъ пониманіемъ жизни, и работалъ съ увлеченіемъ и односторонностію молодости. Романъ отрывается, когда идея преступленія вполне созрѣла. Раскольниковъ уже давно удаленъ отъ своихъ товарищей и былъ совершенно одинокъ. «Съ нѣкотораго времени онъ былъ въ раздражительномъ и напряженномъ состояніи, похожемъ на ипохондрію» (Т. I. стр. 2) и «бѣжалъ всякаго общества» (Т. I, стр. 14).

Впослѣдствіи Раскольниковъ прекрасно описываетъ свое состояніе въ это время. Онъ указываетъ даже на тѣ свои *наклонности*, въ которыхъ злая мысль находила себѣ пищу, которыя она разрабатывала въ свою пользу.

«Предположи—такъ говоритъ онъ Сонѣ — что я *самолюбивъ*, завистливъ, *злой*, мерзокъ, *мстительнъ*». «Я вотъ тебѣ сказалъ давеча, что въ университетѣ себя содержать не могъ. А знаешь ли ты, что я можетъ и могъ? Мать прислала бы, чтобы внести что надо, а на сапоги, платье и на хлѣбъ я бы и самъ заработалъ; навѣрно! Уроки выходили, по полтиннику предлагали. Работаетъ же Разуმიхинъ! Да я озлился и не захотѣлъ. Именно *озлился* (это слово хорошее!). *Я тогда какъ паукъ къ себѣ въ уголъ забился*. Ты вѣдь была въ моей конурѣ, видѣла... А знаешь ли, Соня, что низкіе потолки и тѣсныя комнаты душу и умъ тѣснятъ! О, какъ ненавидѣлъ я эту кануру! А все-таки выходитъ изъ нея не хотѣлъ. Нарочно не хотѣлъ! По суткамъ не выходилъ и работать не хотѣлъ, и даже ѣсть не хотѣлъ, все лежалъ. Принесетъ Настасья—поѣмъ, не принесетъ—такъ и день пройдетъ; *нарочно со зла не страшивалъ!* Ночью огня нѣтъ, лежу въ темнотѣ, а на свѣчи не хочу заработать. Надо было учиться, я книги распродалъ; а на столѣ у меня, на запискахъ да на

тетрадьхъ на палець и теперь пыли лежить. *Я лучше любилъ лежать и думать. И все думалъ...* (Т. II. стр. 224).

Самолюбіе и то озлобленіе, которое отъ него происходитъ, вотъ тѣ черты Раскольниковъ, на которыя оперлась идея преступленія. Прекрасно изображенъ процессъ, обыкновенно происходящій въ душѣ преступника; человѣкъ раздражается, направляетъ себя на страшное дѣло, старается увлечься до самозабвенія. Романъ открывається въ мнунуу полнаго развитія этого процесса. Раскольниковъ идетъ къ процентщицѣ, чтобы *сдѣлать пробу*.

Но природа въ немъ возмущается и имъ овладѣваетъ *чувство безконечною отвращенія* (Т. I, стр. 12). Его вдругъ что-то тянетъ къ людямъ (стр. 14) и онъ сходится съ Мармеладовымъ, провожаетъ его домой и видитъ его семейство. Эта картина возбуждаетъ въ немъ опять приливъ злобы и недобрая мысль опять воскресаетъ (стр. 40). Получается письмо отъ матери съ дурными вѣстями: сестра жертвуетъ собой для блага матери и брата. Озлобленіе Раскольниковъ достигаетъ высшей степени. Превосходно изображено волненіе и внутренняя борьба, которую испытываетъ Раскольниковъ вслѣдствіе письма матери. Мучительно разбираетъ онъ всю безвыходность своего положенія, все безсиліе свое поправить дѣло.

«Вдругъ онъ вздрогнулъ: одна, тоже вчерашняя мысль опять пронеслась въ его головѣ. Но вздрогнулъ онъ не оттого, что пронеслась эта мысль. Онъ вѣдь зналъ, онъ *предчувствовалъ*, что она непременно пронесется, и уже ждалъ ея; да и мысль эта была совсѣмъ не вчерашняя. Но разница была въ томъ, что мѣсяцъ назадъ и *даже вчера еще* она была *только* мечтой, а теперь... теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ-то новомъ, грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ, и онъ вдругъ самъ созналъ это... Ему стукнуло въ голову, и потемнѣло въ глазахъ».

Раскольниковъ уже не владѣетъ собой; мысль его одолѣла. Встрѣча съ дѣвушкой, которая только что увлечена на путь порока, еще глубже вонзается ему въ сердце сожалѣніе о сестрѣ. Инстинктивно стараясь уйти отъ своей злой мысли, онъ направляется къ Разумихину. Но онъ не понимаетъ себя, и опомнившись, рѣшаетъ: «Къ Разумихину я на другой день, послѣ *того* пойду, тогда уже *то* будетъ кончено, и когда все по новому пойдетъ»... (стр. 81).

Но еще разъ, въ послѣдній разъ со всею силою пробуждается въ немъ душа. Онъ уходитъ куда нибудь дальше отъ того дома, гдѣ «въ углу, въ этомъ ужасномъ шкафу и созрѣвало все *это*».

На дорогѣ онъ засыпаетъ на скамейкѣ парка и видитъ томительный сонъ, въ которомъ выражается протестъ души противъ задуманнаго дѣла. Онъ видитъ себя мальчикомъ, надрывающимся отъ жалости при видѣ безчеловѣчно убиваемой лошади. Проснувшись, подавленный впечатлѣніями сна, онъ наконецъ ясно чувствуетъ, какъ противится его природа замышляемому имъ преступленію. «Я не вытерплю, не вытерплю!» повторяетъ онъ.

«Онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, взнеможеніе было во всѣхъ его членахъ, но ему вдругъ стало дышать какъ-бы легче. Онъ почувствовалъ, что уже сбросилъ съ себя это страшное бремя, давившее его такъ долго, и на душѣ его стало вдругъ легко и мирно. «Господи!—молилъ онъ—покажи мнѣ путь мой, а я отрекаюсь отъ этой проклятой мечты моей!» (стр. 92).

Разсказывать дальше — почти невозможно. Раскольниковъ, измученный и истомленный своею внутреннею борьбою, наконецъ подчиняется мысли, которую такъ давно растилъ въ душѣ своей. Описаніе преступленія удивительно и его невозможно передавать другими словами. Слѣпо, механически выполняетъ Раскольниковъ давно окрѣпшій замыселъ. Душа его замерла, и онъ дѣйствуетъ какъ во снѣ. У него почти нѣтъ ни соображенія, ни памяти; его дѣйствія безсвязны и случайны. Въ немъ какъ будто исчезло все человѣческое, и только какая-то звѣриная хитрость, звѣринный инстинктъ самосохраненія, дали ему докончить дѣло и спастись отъ поимки. Душа его умирала, а звѣрь былъ живъ.

Послѣ совершенія преступленія, для Раскольника начинается двойной рядъ мученій. Впервыхъ, мученія страха. Несмотря на то, что всѣ концы спрятаны, подозрительность не оставляетъ его ни на минуту, и малѣйшій поводъ къ опасенію нагоняетъ на него мучительный страхъ. Второй рядъ мученій заключается въ тѣхъ чувствахъ, которыя испытываетъ убійца при сближеніи съ другими людьми, съ лицами, у которыхъ нѣтъ ничего на душѣ, которыя полны теплотою и жизнью. Сближеніе это происходитъ двойнымъ образомъ. Впервыхъ, самого преступника тянетъ къ живымъ людямъ, потому что ему хотѣлось бы стать съ ними наравнѣ, отбросить ту преграду, которую онъ самъ положилъ между ними и собою. Вотъ отчего Раскольниковъ отправляется къ Разумихину. «Сказалъ я (думаетъ онъ про себя) третьяго дня... что къ нему послѣ *того* на другой день пойду, ну что жъ, и пойду! *Будто ужъ я не могу теперь зайти*»... По этой же причинѣ онъ такъ усердно начинаетъ хлопотать о раздавленномъ Мармеладовѣ, и сближается съ его осиротѣвшимъ семействомъ, особенно съ Соней.

Второе обстоятельство, по которому Раскольниковъ очутился

среди людей живыхъ и имѣющихъ близкія къ нему отношенія, заключается въ прїѣздѣ его семейства въ Петербургъ. То письмо, которое было послѣднимъ толчкомъ къ убійству, содержало въ себѣ извѣстіе, что мать и сестра Раскольниковъ должны явиться въ Петербургъ, гдѣ сестра и пожертвуетъ собою, вышедши за Лужина.

Такимъ образомъ Раскольниковъ, бывшій до тѣхъ поръ одинокимъ и удалявшійся отъ людей, теперь и волею и неволею окруженъ людьми, съ которыми связанъ всего ближе. Читатель чувствуетъ, что еслибы эти люди были около Расколькова прежде, то онъ никогда бы не совершилъ преступленія. Теперь же, когда преступленіе совершено, эти люди даютъ поводъ къ пробужденію въ душѣ преступника всевозможныхъ мукъ, вызываемыхъ прикосновеніемъ жизни къ душѣ, извратившей себя и коснѣющей въ своемъ извращеніи.

Таково весьма простое, но вмѣстѣ очень правильное и искусное построеніе романа.

Очень правильно также развита извѣстная постепенность въ душевныхъ страданіяхъ преступника. Сперва Раскольниковъ совершенно подавленъ случившимся и даже заболѣваетъ. Первая его попытка сойтись съ живыми людьми, свиданіе съ Разумихинимъ, просто ошеломляетъ его. «Подымаясь къ Разумихину, онъ не подумалъ о томъ, что съ нимъ, стало быть, лицомъ къ лицу сойдтись долженъ. Теперь же, въ одно мгновеніе, догадался онъ уже на опытъ, что *всею менте расположень* въ эту минуту сходиться лицомъ къ лицу съ кѣмъ бы то ни было на свѣтѣ» (т. I, стр. 173). Онъ уходитъ, не владѣя собою. Точно такъ первыя муки отъ боязни подавляютъ его. Онѣ разрѣшаются страшнымъ, томительнымъ сновидѣніемъ (удивительныя двѣ страницы, 178—179), послѣ котораго Раскольниковъ заболѣваетъ.

Мало-по-малу, однако же, преступникъ становится крѣпче. Онъ сходится съ Разумихинимъ, хитритъ съ Заметовымъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ судьбѣ семейства Мармеладовыхъ, въ судьбѣ своей сестры, увертывается отъ хитраго слѣдонателя Порфирія, отгрызаетъ свою тайну Сонѣ и пр. Но, по мѣрѣ того, какъ преступникъ овладѣваетъ собою, страданіе его не ослабѣваетъ, а становится только постояннѣе и опредѣленнѣе. Сначала онъ еще чувствуетъ порывы радости, когда страхъ, нагнанный какою-нибудь случайностію, отлегается вдругъ отъ сердца, или когда ему удастся сблизиться съ другими людьми и почувствовать себя все еще человѣкомъ. Но потомъ эти колебанія исчезаютъ.

«Какая-то особенная тоска — рассказывает авторъ — началъ сказываться ему въ послѣднее время. Въ ней не было чего-нибудь особенно ѣдваго, жгучаго; но отъ нея вѣяло чѣмъ-то постояннымъ, вѣчнымъ, предчувствовалась безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вѣчность на «аршинѣ пространства» (т. II, стр. 239).

Вотъ тѣ мотивы, на которые написана самая бѣльшая, центральная часть романа. Можно замѣтить — хотя, право, въ подобныхъ вещахъ трудно полагаться на собственное сужденіе и лучше довѣриться пронидательности художника — что въ душѣ Раскольникова, сверхъ страха и боли, должна бы еще занимать большое мѣсто третья тѣма — *воспоминаніе о преступленіи*.

Воображеніе и память преступника, казалось бы, должны чаще обращаться къ картинѣ страшнаго дѣла. Чтобы пояснить свою мысль, припомнимъ превосходное описаніе преступленія въ романѣ Диккенса «Нашъ общій другъ». Учитель Брайдей Гедстонъ убиваетъ Евгенія Рейборна. Состояніе убійцы тотчасъ послѣ преступленія и избавленія отъ опасности описывается такъ:

«Онъ находился въ томъ состояніи духа, которое тяжелѣе и мучительнѣе угрызеной совѣсти. Въ немъ угрызеной совѣсти не было; но злодѣй, который можетъ отстранить отъ себя этого мстителя, не въ состояніи избѣжать болѣе медленной пытки, состоящей въ *безпрерывной передѣлкѣ* своего злодѣянія, и передѣлывъ его все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ успѣхомъ. Въ оправдательныхъ показаніяхъ и въ притворныхъ сознаніяхъ убійцы, варающую тѣнь этой пытки можно прослѣдить въ каждой говоримой лжи. Еслибы я сдѣлалъ это, какъ показываютъ, можно ли вообразить, чтобы я сдѣлалъ такую-то ошибку? Еслибы я сдѣлалъ это какъ показываютъ, неужели я оставилъ бы не замкнутою эту лазейку, которую должный и злонамѣренный свидѣтель такъ безчестно выставляетъ противъ меня? Состояніе злодѣя, безпрерывно открывающаго слабыя мѣста въ своемъ преступленіи, старающагося укрѣпить ихъ, когда сдѣланнаго дѣла уже нельзя измѣнить, есть такое состояніе, которое усиливаетъ тяжесть преступленія тѣмъ, что *заставляетъ совершить его тысячу разъ вмѣсто одною*; но это въ то же время и такое состояніе, которое въ натурахъ злобныхъ и нераскаянныхъ вараетъ преступленіе самымъ тяжелымъ наказаніемъ».

«Брайдей сиѣшилъ впередъ, тяжко прикованный къ идеѣ своей ненависти и своего мщенія, и все думалъ, что онъ могъ бы удовлетворить то и другое многими способами, гораздо болѣе успѣшными въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ. Орудіе могло быть лучше, мѣсто и часъ могли быть лучше выбраны.

Ударить человѣка сзади въ темнотѣ, на окраинѣ рѣки — дѣло довольно ловкое; но слѣдовало бы тотчасъ же лишить его возможности защищаться; а вмѣсто того, онъ успѣлъ обернуться и схватить своего противника, и потому, чтобы покончить съ нимъ прежде, чѣмъ явилась какая-нибудь случайная помощь, пришлось отдѣлаться отъ него, поспѣшно столкнувъ его въ рѣку, прежде чѣмъ жизнь была окончательно выбита изъ него. Еслибы можно было опять это сдѣлать, то слѣдовало бы сдѣлать не такъ. Предполагается, что его голову нужно бы поддержать нѣсколько времени подъ водой. Предполагается, что первый ударъ долженъ быть вѣрнѣе; предполагается, что его слѣдуетъ застрѣлить; предполагается, что его слѣдуетъ задушить. Предполагайте что угодно, только не предполагайте оторваться отъ этой одной идеи; это оказалось бы неумолимой невозможностью».

«Ученіе въ школѣ началось на слѣдующій день. Ученики видѣли небольшую перемѣну, или совсѣмъ не видали таковой, на лицѣ своего учителя, потому что оно всегда носило на себѣ медленно-измѣняющееся выраженіе. Но въ то время, какъ онъ прослушивалъ урокъ, онъ все передѣлывалъ свое дѣло, и все передѣлывалъ его лучше. Становясь съ кускомъ мѣла у черной доски, онъ прежде чѣмъ принимался писать на ней, задумывался о мѣстѣ на берегу, и о томъ, не была ли вода глубже, и не могло ли паденіе совершиться прямѣе, гдѣ-нибудь выше или ниже на рѣкѣ. Онъ былъ готовъ провести черту или двѣ на доскѣ, чтобы выяснитъ себѣ то, о чемъ думалъ. Онъ *передѣлывалъ дѣло съизнова*, все улучшая передѣлку—во время классныхъ молитвъ, во время вопросовъ, задаваемыхъ ученикамъ, и въ теченіе всего дня» (кн. четвертая, гл. VII).

Казалось бы, нѣчто подобное должно совершаться и съ Раскольниковымъ. Между тѣмъ, Раскольниковъ только два раза возвращается воображеніемъ къ своему преступленію. Нужно при этомъ отдать справедливость автору, что оба воспоминанія изображены съ удивительною силою. Въ первый разъ Раскольниковъ по невольному влеченію приходитъ самъ на мѣсто преступленія (т. I, стр. 265—268). Во второй разъ послѣ того, какъ мѣщанинъ назвалъ его на улицѣ *убивцомъ*, онъ видитъ сонъ, въ которомъ вторично убиваетъ свою жертву (т. I, стр. 428—431). Этотъ сонъ, и также два прежніе сна, которые мы приводили, составляютъ едва ли не лучшія страницы романа. Фантастичность, свойственная сновидѣніямъ, схвачена съ изумительною яростію и вѣрностію. *Странная*, но глубокая связь съ дѣйствительностію уловлена во всей ея странности. Съ этими снами невозможно и сравнивать послѣднаго сна, который Раскольниковъ видитъ

въ наторгѣ (т. II, стр. 429, 430) и который есть явное сочиненіе, холодная аллегорія.

Итакъ, центральная часть романа главнымъ образомъ занята изображеніемъ припадковъ страха и той душевной боли, въ которой связывается пробужденіе совѣсти. По своему всегдашнему приему авторъ написалъ множество варіацій на эти тѣмъ. Одно за другимъ онъ описываетъ намъ всевозможныя измѣненія однихъ и тѣхъ же чувствъ. Это сообщаетъ монотонность всему роману, хотя не лишаетъ его занимательности. Но романъ томить и мучить читателя, вмѣсто того, чтобы поражать его. Поразительные моменты, которые переживаетъ Раскольниковъ, теряются среди его постоянныхъ мученій, то ослабѣвающихъ, то снова поражающихъ. Нельзя сказать, чтобы это было невѣрно; но можно замѣтить, что это неясно. Разсказъ не сосредоточенъ около извѣстныхъ точекъ, которыя бы вдругъ озарили для читателя всю глубину душевнаго состоянія Раскольникова.

Между тѣмъ многія изъ такихъ точекъ схвачены въ романѣ, много въ немъ сцена, гдѣ состояніе души Раскольникова обвѣшается съ большою яркостью. Мы не станемъ останавливаться на сценахъ боязни, на этихъ принадлежать *зѣрниную страха и зѣрниную хитрости* (какъ выражается самъ авторъ, см. т. I, стр. 189). Для насъ, разумѣется, гораздо интереснѣе другая, положительная сторона дѣла, именно та, гдѣ душа преступника пробуждается и протестуетъ противъ совершеннаго надъ нею насилія. Своимъ преступленіемъ Раскольниковъ оторвалъ себя отъ живыхъ и здоровыхъ людей. Каждое прикосновеніе къ жизни мучительно отвывается въ немъ. Мы видѣли, какъ онъ не могъ видѣть Разумихина. Впослѣдствіи, когда добрый Разумихинъ сталъ заботиться и хлопотать о немъ, присутствіе этого добродушнаго человѣка раздражаетъ Раскольникова до изступленія (т. I, стр. 259). Но какъ радъ Раскольниковъ самъ заботиться о другихъ, какъ радъ случаю применить къ чужой жизни по поводу смерти Мармеладова! Очень хороша сцена между убійцею и маленькою дѣвочкою Полею.

«Раскольниковъ разглядѣлъ худенькое, но милое личико дѣвочки, улыбавшееся ему и весело, подѣтски на него смотрѣвшее. Она прибѣжала съ порученіемъ, которое видимо ей самой очень нравилось».

«— Послушайте, какъ васъ зовутъ?... а еще: гдѣ вы живете? спросила она торопясь, задыхающимся голосомъ».

«Онъ положилъ ей обѣ руки на плеча и съ каинимъ-то счастіемъ глядѣлъ на нее. *Ему такъ пріятно было на нее смотрѣть* — *онъ самъ не зналъ почему*» (т. I, стр. 290).

Разговоръ кончается очень глубокою чертою. Поличка рассказываетъ, какъ она молилась вмѣстѣ съ своею матерью, съ меньшою сестрою и братомъ; Раскольниковъ просить ее молиться и за него.

Послѣ этого прилива жизни, Раскольниковъ самъ идетъ къ Разумихину, но скоро теряетъ минутную бодрость и самоувѣренность. Затѣмъ слѣдуетъ новый ударъ: прїѣздъ матери и сестры.

«Радостный, восторженный крикъ встрѣтилъ появленіе Раскольникова. Обѣ бросились къ нему. Но онъ стоялъ какъ мертвый: *невыносимое внезапное сознаніе ударило въ него какъ громомъ*. Да и руки его не поднимались обнять ихъ: *не могли*. Мать и сестра сжимали его въ объятіяхъ, целовали его, смѣялись, плакали... Онъ ступилъ шагъ, покачнулся и рухнулъ на полъ въ обморокъ» (т. I, 299).

Каждый разъ присутствіе родныхъ и разговоръ съ ними составляетъ пытку для преступника. Когда мать объясняетъ ему, какъ она рада его видѣть, онъ перебиваетъ ее:

«— Полноте, маменька, со смущеніемъ пробормоталъ онъ, не глядя на нее и сжавъ ея руку: — успѣемъ наговориться!»

«Сказавъ это, онъ вдругъ смутился и поблѣднѣлъ: опять одно недавнее ужасное ощущеніе мертвымъ холодомъ прошло по душѣ его; опять ему вдругъ стало совершенно ясно и понятно, что онъ сказалъ сейчасъ ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успѣть наговориться, но уже *ни объ чемъ больше, никогда и ни съ кѣмъ нельзя ему теперь говорить*. Впечатленіе этой мучительной боли было такъ сильно, что онъ на мгновеніе почти совсѣмъ забылся, всталъ съ мѣста, и не глядя ни на кого, пошелъ вонъ изъ комнаты» (т. I, стр. 355).

По естественной реакціи, эти муки вызываютъ въ немъ ненависть къ тѣмъ, кто ихъ вызываетъ собою.

«Мать, сестра, думаетъ про себя Раскольниковъ — какъ любилъ я ихъ! Отчего теперь я ихъ ненавижу? Да, я ихъ ненавижу, физически ненавижу, подлѣ себя не могу выносить...» (т. I, стр. 428).

Очень замѣчательно слѣдующее мѣсто среди несвязныхъ мыслей полубредящаго Раскольникова:

«Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась!... Странно однажды, почему я объ ней почти и не думаю, точно и не убивать?... Лизавета! Соня! бѣдная, кроткія, съ глазами кроткими... Милія! Зачѣмъ онѣ не плачутъ? Зачѣмъ не стонутъ? Онѣ все отдають... глядять вротко и тихо... Соня, Соня! тихая Соня!...» (тамъ же).

Затѣмъ Раскольниковъ увлекается въ борьбу съ Лужинымъ и Свидригайловымъ. Но мысль какъ нибудь опять вступить въ живыя отношенія къ людямъ, продолжаетъ мучить его. Онъ идетъ къ Сонѣ, съ тѣмъ, чтобы открыть ей свою тайну. Изъ разговора съ нею онъ видитъ всю ея кротость, неволю, нѣжную сострадательность. На него находитъ минута умиленія.

«Онъ все ходилъ взадъ и впередъ, молча и не взглядывая на нее. Наконецъ подошелъ къ ней; глаза его сверкали. Онъ взялъ ее обѣими руками за плечи. Взглядъ его былъ сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали... Вдругъ онъ весь быстро наклонился, и припавъ къ полу, поцаловалъ ея ногу» (т. II, стр. 76).

Онъ откладываетъ, однакоже, признаніе до другого раза. Наступаетъ новая борьба съ Порфиріемъ и съ Лужинымъ, и Раскольниковъ опять набирается бодрости. Онъ идетъ къ Сонѣ признаваться уже какъ будто съ надеждой убѣдить ее въ своей правдивости; но его замыслы разлетаются въ прахъ передъ сопркосновеніемъ съ живымъ лицомъ.

Сцена сознанія есть лучшая и центральная сцена всего романа (т. II, 207—222). Раскольниковъ терпитъ глубокое потрясеніе. «Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не такъ предполагалъ *объявить*, и самъ не понималъ того, что съ нимъ дѣлалось» (стр. 212).

Когда, наконецъ, признаніе сдѣлано, оно вызываетъ въ Сонѣ тѣ слова и дѣйствія, въ которыхъ содержится приговоръ Раскольникову, приговоръ *чуждѣйшій*, какъ того требуетъ самая натура Сони.

«Вдругъ точно прензенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего, передъ нимъ на колѣни.

«— *Что вы, что вы это надъ собой сдѣлали!* отчаянно проговорила она, и вскочивъ съ колѣнъ, бросилась ему на шею, обняла его и крѣпко-крѣпко сжала его руками.

«Раскольниковъ отшатнулся и съ грустною улыбкой посмотрѣлъ на нее:

«— Странная какая ты, Соня—обнимаешь и цалуешь, когда я тебѣ сказалъ *про это*. Себя ты не помнишь.

«— *Нѣтъ, нѣтъ тебя несчастіе никою теперь съ цѣлою сепять!* воскликнула она, какъ въ изступленіи, не слыжавъ его замѣчанія, и вдругъ заплакала, какъ въ истерикѣ.

«Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло въ его душу и разомъ размигчало ее. Онъ не сопротивлялся ему: *дѣтскія слезы выкатились изъ его глазъ и повисли на рѣсницахъ.*

«— Такъ не оставишь меня, Соня? говорилъ онъ, чуть не съ надеждой смотря на нее.

«— Нѣтъ, нѣтъ; никогда и нигдѣ! воскликнула Соня».

Здѣсь человекъ вполне сазался въ Раскольниковѣ. Онъ не сознаетъ еще, но уже чувствуетъ, что *несчастіе его нѣтъ никого на счетѣ*, и что онъ самъ виноватъ въ своемъ несчастіи.

«Соня, у меня сердце злое», говоритъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Наконецъ, муки его достигаютъ крайняго предѣла. Тогда онъ, гордый, высокоумный Рѣскольниковъ, обращается въ бѣдной дѣвочкѣ за совѣтомъ.

«— Ну, что теперь дѣлать, говори! спросилъ онъ, вдругъ поднявъ голову и съ безобразно искаженнымъ отъ отчаянія лицомъ смотря на нее.

«— Что дѣлать! воскликнула она, вдругъ вскочивъ съ мѣста, и глаза ея, доселѣ полные слезъ, вдругъ засверкали. — Встань! (Она схватила его за плечо; онъ приподнялся, смотря на нее почти въ изумленіи). Поди сейчасъ, сію же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцалуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны, и скажи всѣмъ вслухъ: «я убилъ!» Тогда Богъ опять тебѣ жизни пошлетъ. Пойдешь? Пойдешь? спрашивала она его, вся дрожа, точно въ припадкѣ, схвативъ его за обѣ руки, крѣпко стиснувъ ихъ въ своихъ рукахъ и смотря на него огненнымъ взглядомъ».

Какъ видно, бѣдная Соня очень хорошо знаетъ, *что нужно дѣлать*. Но Раскольниковъ все еще противится, и старается побороть свое мученіе. Онъ рѣшается исполнить совѣтъ Соня только тогда, когда ловкій Порфирій довелъ его до того, что могъ сказать ему въ глаза: «какъ, кто убилъ?...—да вы убили, Родионъ Романчъ!» и потомъ далъ тотъ же совѣтъ, какъ и Соня.

Рѣшившись, наконецъ, выдать себя, онъ прощается съ матерью, которая только догадывается о томъ, въ чемъ дѣло, и съ сестрою, которая все знаетъ. Эти сцены, какъ намъ показалось, слабѣ другихъ. А, главное, онѣ не рождаютъ въ душѣ Раскольникова никакого новаго чувства. Гораздо болѣе значенія и силы имѣетъ одна изъ послѣднихъ минутъ передъ формальнымъ сознаніемъ Раскольникова. Онъ уже шелъ въ контору черезъ Сѣннiю.

«Когда онъ дошелъ до середины площади, съ нимъ вдругъ произошло одно движеніе—одно ощущеніе овладѣло имъ сразу, захватило его всего—съ тѣломъ и мыслию.

«Онъ вдругъ вспомнилъ слова Соня: «поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцалуй землю, потому что ты и передъ ней

согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: *я убійца!* Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно послѣднихъ часовъ, что онъ такъ и ринулся въ возможность *этого цѣльнаго, новаго, полнаго ощущенія*. Какимъ-то припадкомъ оно къ нему подступило: загорѣлось въ душѣ одной искрой, и вдругъ, какъ огонь, охватило всего. Все разомъ въ ней размягчилось и хлынули слезы. Какъ стоялъ, такъ и упалъ онъ на землю...

«Онъ сталъ на колѣни среди площади, поклонился до земли и поцаловалъ эту грязную землю съ *наслажденіемъ и счастьемъ*. Онъ всталъ и поклонился въ другой разъ».

Тотчасъ послѣ этого онъ предалъ себя.

Вотъ и весь душевный процессъ Раскольниковова. Мы не говоримъ о томъ *воскресеніи*, которое описано въ эпилогѣ. Оно разсказано въ слишкомъ общихъ чертахъ, и самъ авторъ говоритъ, что оно относится не къ этой исторіи, а къ новой, къ исторіи обновленія и перерожденія человѣка.

И такъ Раскольниковъ до конца не могъ понять и осмыслить движеній, подымавшихся въ его душѣ и составлявшихъ для него такую муку. Онъ не могъ понять и осмыслить и того *наслажденія и счастья*, которыя почувствовалъ, когда вздумалъ послѣдовать совѣту Сони. «Онъ былъ скептикъ, онъ былъ молодъ, отвлечененъ и, стало быть, жестокъ»: такъ говоритъ самъ авторъ о своемъ героѣ (т. II, стр. 73). Ожесточеніе не давало Раскольникову понимать того голоса, который такъ громко говорилъ въ его душѣ.

Теперь будетъ ясно, если мы скажемъ, что авторомъ выполнена только одна изъ двухъ сторонъ, представляемыхъ задачею. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ главный интересъ романа? Чего ждетъ постоянно читатель съ той минуты, какъ совершенно преступленіе? Онъ ждетъ внутренняго переворота въ Раскольниковѣ, ждетъ пробужденія въ немъ истинно-человѣческаго образа чувствъ и мыслей. Тотъ *принципъ*, который Раскольниковъ хотѣлъ убить въ себѣ самомъ, долженъ воскреснуть въ его душѣ и заговорить еще съ большею силою, чѣмъ прежде.

Но авторъ такъ поставилъ дѣло, что для него эта вторая сторона задачи оказалась слишкомъ большою и трудною, чтобы браться за нее въ этомъ же самомъ произведеніи. Тутъ заключается и недостатокъ, и вмѣстѣ достоинство романа г. Достоевскаго. Онъ задался такъ широко, его Раскольниковъ такъ *ожесточенъ въ своей отвлеченности*, что обновленіе этой падшей души не могло совершиться легко, и представило бы намъ, въ-

роятно, возникновеніе душевной красоты и гармоніи очень высокаго строя.

Раскольниковъ есть истинно русскій человѣкъ именно въ томъ, что дошелъ до конца, до края той дороги, на которую его завелъ заблудшій умъ. Эта черта русскихъ людей, черта чрезвычайной серьёзности, какъ-бы религіозности, съ которою они предаются своимъ идеямъ, есть причина многихъ нашихъ бѣдъ. Мы любимъ отдаваться цѣльно, безъ уступокъ, безъ остановокъ на подорогѣ; мы не хитримъ и не лукавимъ сами съ собою, а потому и не терпимъ мировыхъ сдѣлокъ между своею мыслью и дѣйствительностью. Можно надѣяться, что это драгоцѣнное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится въ истинно-прекрасныхъ дѣлахъ и характерахъ. Теперь же, при нравственной смутѣ, господствующей въ однѣхъ частяхъ нашего общества, при пустотѣ, господствующей въ другихъ, наше свойство доходить во всемъ до краю — такъ или иначе — портить жизнь и даже губить людей.

Одно изъ самыхъ печальныхъ и характеристическихъ явленій такой гибели и хотѣлъ изобразить намъ художникъ.